

Новый драматический писатель // Русский
Вѣстникъ. 1879. № 12. С. 792-796.

НОВЫЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Успѣхъ Н. Я. Соловьева несомнѣнно громокъ.

Это не succès d'estime; это почти популярность, сразу приобретенная.

Такой успѣхъ, уже самъ по себѣ, независимо отъ достоинства, даетъ право на вниманіе критики, ибо вовсе безъ достоинствъ невозможно имѣть большаго успѣха.

. И забытые нынѣ писатели имѣли во свою пору тѣ именно силы и качества которыя обезличивали имъ временный успѣхъ. Въ ихъ приемахъ, въ сюжетахъ ими избираемыхъ было нѣчто такое что соответствовало умственному и нравственному спросу ихъ времени.

Это конечно такъ; но нельзя же съ другой стороны не согласиться что эстетическія требованія той публики которая бѣжитъ толпою на представленіе мелодрамы и оперетокъ и скучаетъ слушая Шекспира и Мольера—вовсе не высокія и не примѣрныя требованія.

Изысканный вкусъ въ обществѣ повышается и понижается временно, точно такъ же какъ и другія умственные и нравственные свойства людей.

Относительно вкуса господствующаго у насъ въ послѣдніе годы трудно сказать что-либо положительное. Иногда кажется что чувство изящнаго очень понизилось у нашихъ современниковъ сравнительно съ 30, 40 и 50 годами этого вѣка. Съ другой стороны, кругъ читателей и даже дѣятелей (то-есть претендующихъ по крайней мѣрѣ быть дѣятелями) неизмѣримо расширился. Потребность хорошаго чтенія не есть теперь исключительное свойство отборнаго общества и тѣснаго круга особенныхъ образомъ развитыхъ людей.

Искусство стало болѣе популярнымъ. Но признавая его болѣе прежняго, такъ-называемая толпа болѣе прежняго поспѣва и на самое творчество, и на критику творчества.

Въ вывѣщаемъ хаосъ борьбы и разложенія ясно одно: потребности сильныхъ впечатлѣній много, впечатлѣній отъ зрѣлищъ и чтенія, но высшаго вкуса мало.

Средній уровень уметвенныхъ требованій повысился за послѣдніе годы; кругъ этихъ требованій разросся; но требованія самыя высшія ослабѣли и остыли.

Хотятъ занимательнаго, требуютъ своевременности, но не ищутъ глубины, и когда встрѣчаютъ ее, то не понимаютъ и не видятъ ее, и какъ будто не смѣютъ даже видѣть.

Не до высшаго вкуса теперь!

— Дорогое кружево прекрасная вещь, сказалъ мнѣ недавно одинъ очень умный человѣкъ, — но нельзя подавать людямъ это кружево когда имъ нуженъ простой тузлукъ чтобы не замерзнуть!

Люди хотятъ развлечения, жаждутъ новизны и движенія, движенія прежде всего. Движенія и быстроты во всемъ; быстроты сообщеній, быстроты въ торговыхъ оборотахъ, быстроты въ политикѣ; движенія скорога, легкаго, какъ поплаво, безъ глубины и задумчивости, перемѣвъ во всемъ, перемѣвъ даже гражданскихъ во что бы то ни стало, — движенія на улицахъ, войнъ быстрыхъ и краткихъ, движенія въ газетахъ, въ книгахъ, на сценѣ.... Въ повѣстяхъ дѣйствіе, дѣйствіе прежде всего... Мыслей новыхъ, истинно новыхъ, творческихъ, своеобразныхъ мыслей не требуютъ вышше; ихъ у насъ было такъ много прежде!... Теперь нужно дѣйствіе!...

И вотъ въ такое-то время движенія безъ мысли, является на нашей сценѣ новый писатель и сразу приобретаетъ въ драматической литературѣ весьма почетное положеніе.

Успѣхъ г. Соловьева влодѣвъ помятежь и влодѣвъ соотвѣтствуетъ духу времени. Въ пьесахъ его именно есть то что нужно: въ нихъ много движенія и мало мысли; въ нихъ много энергии и нѣтъ своеобразныхъ задачъ; въ нихъ есть сила потрясающаго чувства и нѣтъ поражающей думы. Въ нихъ много таланта, но еще мало опыта житейскаго, мало содержанія. Хорошо идетъ по рельсамъ этотъ повѣдь, сильно, скоро, прямо: онъ могъ бы везти драгоценный Севрскій фарфоръ, но везетъ онъ пока только всѣмъ ужь слишкомъ доступный фаянсъ съ извѣстными синими рисунками....

Успѣхъ необходимъ, успѣхъ спасителемъ для таланта; онъ возбуждаетъ, даетъ силы, руководитъ иногда, но онъ же и обязываетъ. Есть точка, которой долженъ достигь дальновидно честолюбивый художникъ. Разъ завладѣвъ вниманіемъ надо идти впередъ и освободиться отъ литературныхъ привычекъ именно того времени которое дало намъ успѣхъ...

На зыбкахъ за толлою долго не проѣдешь со славой; надо скорѣе стать самому возницей по духу....

Въ теченіе всего полутора года г. Соловьевъ далъ намъ три пьесы: одну большую въ сотрудничествѣ г. Островскаго и двѣ небольшія безъ помощи г. Островскаго. О большой пьесѣ, о *Женитьбѣ Блугина*, писали и говорили очень много. Справедливо замѣчено было въ ней нѣчто здоровое, трезвое; но справедливо было также указано что въ ней кромѣ самого Андрея Блугина нѣтъ истинныхъ характеровъ. Повзнія въ ней есть. Смѣшное дѣйствительно смѣшно (особенно на сценѣ); но и оно не совсѣмъ съ пылу; смѣшесья на примѣръ тому какъ старикъ Блугинъ расхваливаетъ мирную жизнь свою съ женою и говоритъ: „а этой музыки вотъ что караулъ кричать—этого у насъ и совсѣмъ не бывало!“ Смѣшесья отъ души; но самъ думаешь: это что-то знакомое... какъ будто я гдѣ-то что-то такое слышалъ или читалъ... Это совсѣмъ не тотъ изумленный смѣхъ которымъ мы смѣялись, когда въ первый разъ читали *Носъ* и *Записки Сумасшедшаго*. Лица въ *Женитьбѣ Блугина* также не очень свѣжи, не очень новы; и самъ Андруша, столь хорошо удав-

пійся автору, невозможно, „Бородкинъ“ изъ *Не съ свои сами не садись*. Я говорю невозможно. Молодой купецъ, любящій, благородный, энергическій и скромный въ одно и то же время; очень благородный, но живой и возможный. Правда и то что въ известную эпоху той или другой національной жизни есть часто повторяющіеся типы которые привлекаютъ вниманіе наблюдателей и писатели остаются лишь вѣрны дѣйствительности, повторяя изображенія подобныхъ лицъ каждый съ небольшимъ личнымъ оттънкомъ. Критика имѣетъ право требовать отъ писателя желающаго быть объективнымъ чтобы всѣ лица его были живы; но критикъ будетъ неправъ, если потребуеть чтобы всѣ эти живыя лица были новы. Лица новыя есть, положимъ, всегда въ жизни, но художественное творчество имѣетъ свои предѣлы, свои препоны и затрудненія; додуматься до одного-двухъ новыхъ лицъ и потомъ изобразить ихъ удачно, это вовсе не легко и на это нужно довольно много времени и самымъ даровитымъ людямъ. Скоро ли Тургеневъ дошелъ до Рудина, до Базарова и до Лизы Калитиной? Сразу ли Толстой оцѣль возможнымъ такъ освѣтить какъ онъ освѣтилъ Андрея Болконскаго и графа Вронскаго; сразу ли онъ смогъ бы изобразить ихъ такъ какъ изобразилъ? Я думаю, и г. Достоевскій согласится съ тѣмъ что его собственнаго несравненно больше въ *Мертвои Домъ* чѣмъ въ *Бѣдныя Людѣя*. Въ *Бѣдныя Людѣя* герой лицо живое, но оно не очень ново; это Акакій Акакіевичъ, у котораго вмѣсто шинели есть красивая дѣвушка, по которой онъ такъ трогательно страдаетъ. Въ *Мертвои Домъ* же лица и живыя и новыя—Сироткинъ, Гагинъ, Еврей, тотъ красивый и умный злодѣй который любилъ говорить съ авторомъ о Людовикѣ XIV и служилъ ему такъ охотно, но про котораго люди знающіе говорили что онъ страшнѣе кроволійцы Гагина.... Но чтобы пройти этотъ путь отъ *Бѣдныя Людѣя* и до *Мертвои Дома*—сколько нужно было пережить самому автору? Даже умнѣе наблюдать, умнѣе видѣть эти новыя лица—дается не сразу. Для этого надо много условій. Надо бывать во всякомъ обществѣ, не чуждаться не только низшаго, какъ дѣлали въ старину, но и высшаго, какъ расположены его чуждаться теперь многіе литераторы иногда изъ глулыхъ принциповъ и предубѣжденій, а еще чаще по нежеланію понудить себя къ большей презентабельности. Истинный художникъ долженъ развивать въ себѣ

гибкость, чтобъ ему стало все равно что гора, что долина, что цвѣтникъ, что лѣсъ дремучій, что трактиръ, что настоящая гостиная.

Еще для того чтобъ умѣть наблюдать, необходимо прежде всего отнестись скептически ко вчерашнимъ литературнымъ преданіямъ: какъ можно болѣе освободиться именно отъ того что слишкомъ давно уже стоитъ въ воздухѣ..

Необходимо освѣтить себѣ умъ знакомствомъ съ такими авторами русскими и особенно иноземными которые наиболѣе по духу далеки отъ привычнаго, домашняго и вчерашняго стиля. И это вотъ почему. И въ наше время есть въ жизни много такихъ явленій, чувствъ, мыслей и событій которыя возможны были не только при Александрѣ Первомъ, но и во времена Кромвеля, Юлія Цезаря и Дарія Гистаела. Начала жизни вѣчны; они все тѣ же; но сочетанія ихъ бесконечно разнообразны и разнообразны. Чужіе, далекіе отъ насъ авторы, разъ понятые нами, бросаютъ свой свѣтъ и на современную намъ жизнь.... Отъ своего, отъ современнаго, отъ роднаго намъ и такъ не уйти; но изученіе чужаго даетъ намъ силы безпристрастію и самобытію (то-есть независимію отъ ближнихъ вліаній) относиться къ родному и современному чѣмъ могли бы мы относиться, зная только ближнее и потому лаятя ему дань бессознательнаго подчиненія. Развивать свой умъ, значитъ именно мѣнять и разнообразить свою точку зрѣнія, питаться чужимъ, претворяя лишь его неузнаваемо по своему.